

Елена Григорьева
Российская академия
архитектуры и
строительный наук
Константин Лидин
Федерация «Союз
соотечественников»
(Болгария)

Александр Гимельштейн
Иркутский
государственный
университет

Виталий Барышников
ООО «Гранд Байкал»

Руслан Хотулев
ООО «Градостроительная
мастерская «Линия»»

Сергей Маяренко
АНО «Иркутские кварталы»

Татьяна Анненкова
Журнал «Проект Байкал»

Екатерина Гладкова
Технологический институт
Карлсруэ (Германия)

Татьяна Титова
Проектная мастерская
Open Project Studio

Анастасия Малько
Технологический институт
Карлсруэ (Германия)

Анастасия Холявко
Сибирская лаборатория
урбанистики

Elena Grigoryeva
Russian Academy
of Architecture and
Construction Sciences

Konstantin Lidin
Federation of Fellow
Citizens (Bulgaria)

Alexander Gimelshteyn
Irkutsk State University

Vitaly Baryshnikov
ООО Grand Baikal

Ruslan Khotulev
ООО Urban Planning Bureau
“Liniya”

Sergey Mayarenkov
АНО Irkutsk Quarters

Tatyana Annenkov
Project Baikal journal

Ekaterina Gladkova
Karlsruhe Institute of
Technology (Germany)

Tatiana Titova
architectural bureau Open
Project Studio

Anastasia Malko
Karlsruhe Institute of
Technology (Germany)

Anastasia Kholiyavko
Siberian Laboratory of
Urbanistics

10 июля 2024 в Иркутском доме архитектора собрался Дискуссионный клуб ПБ по теме номера. К постоянным участникам клуба присоединились новые; модераторами выступили Константин Лидин и Елена Григорьева. Речь на этот раз шла не только об Иркутске, но и о Енисейске, Черемхово, Софии, Вене, Шанхае, Копенгагене, Берлине...

Ключевые слова: разобщенность; виртуальные контакты; игры и игрушки; транспорт.

On July 10, 2024, the PB Discussion Club held a meeting on the topic of the issue in the Irkutsk House of Architects. New members joined the regular members of the Club; Konstantin Lidin and Elena Grigoryeva acted as moderators. This time, the discussion was not only about Irkutsk, but also about Yeniseisk, Cheremkhovo, Sofia, Vienna, Shanghai, Copenhagen, Berlin. . .

Keywords: disunity; virtual contacts; games and toys; transport.

Дискуссионный клуб ПБ. Город как место встреч / PB Discussion Club. The city as a meeting place

Единственная известная мне роскошь – это роскошь человеческого общения.

Антуан де Сент-Экзюпери

Елена Григорьева Позволю себе небольшое топонимическое вступление.

Торонто – крупнейший канадский город, культурный и торговый центр англоязычной Канады, международный эталон чистоты и порядка – на языке гурунов означает МЕСТО ВСТРЕЧИ. Здесь есть все: стадионы четырех знаменитых спортклубов, музей кленового сиропа, развлечения, театры; полноценный город с небоскребами и в то же время с парками и белками в них.

Еще один город на другом конце света, где живут антиподы, – столица Австралии Канберра – и тоже в переводе с языка аборигенов – МЕСТО ВСТРЕЧИ.

Вот еще пример: город на южном берегу Северного Ледовитого океана (у этого океана все берега южные) Тикси – его название тоже переводится с якутского как МЕСТО ВСТРЕЧИ. Трое из здесь присутствующих побывали там совсем недавно.

Словосочетание МЕСТО ВСТРЕЧИ очень устойчивое, раз дало название сразу нескольким – и таким разным – городам. А есть еще одноименные памятники, скульптуры: в российском Петрозаводске (подарок норвегов, между прочим); в Туле; в Лондоне (на вокзале Сент-Покрасс знаменитая статуя «Место встречи») – двое встречаются, соприкасаясь лбами). И в нашем Усть-Илимске самое популярное кафе тоже называется «Место встречи».

Город на самом деле является местом встречи – и не только людей, но и разных культур. Иркутск – он такой, многонациональный, многоконфессиональный. Встреча разных религий происходит на относительно небольшой территории нашего проекта «Иркутские кварталы»: вокруг два православных храма, армянская церковь, мечеть, синагога.

Здесь и разные субкультуры. Как они сосуществуют, дружат или конфликтуют? А как люди? Встречи или разобщенность, депопуляция, падение рождаемости? Семья и роль городского образа жизни в этих процессах, в том, что сейчас происходит с населением. Может быть, стоит поговорить об утрачиваемой способности договариваться.

Константин Лидин Я хочу сосредоточиться на той теме, которая меня больше всего волнует, потому что, живя в Европе, я вижу, насколько сильно встает вопрос разобщенности людей.

София – исторически торговый город на перекрестке, и здесь очень много людей, приехавших из совершенно разных мест. И все эти люди предпочитают жить изолированно друг от друга; это проявляется даже в географическом плане. Есть, например, арабская улица: там магазинчики маленькие торгуют халялем и другими товарами, привезенными откуда-то из арабского мира. И эта улица выглядит совершенно по-другому. Арабы проводят очень много времени на улице, традиционно так же, как турки. Прямо ставят стулья на тротуар, сидят, стоят, обсуждают прохожих и какие-то свои актуальные темы. А рядом улица, где больше болгар, и там пусто. Если арабская улочка чистая, подметенная, прибранная – болгарская улица рядом завалена мусором.

А совсем неподалеку может находиться локальный фрагмент города, где живут высокооплачиваемые специалисты в области IT. Это такой кусочек богатого квартала по международным стандартам: зелено, малоэтажная высококачественная застройка, охрана, просто так не зайдешь. Резервация для умников.

Пестрота необычайная, вплоть до того, что можно увидеть на улице историческое здание, у которого четверть отреставрирована: восстановлена лепнина, оштукатурено, покрашено. А три четверти этого же здания – это руины с вышибленными стеклами. Половина черепичной крыши здания восстановлена, а полкрыши провалилось. Значит, люди очень мало разговаривают друг с другом, минимум общения. Я живу в Болгарии уже больше пяти лет, но у меня минимум болгарского, мне он не нужен. У меня английский сейчас лучше, чем болгарский, потому что в интернете английский преобладает. И есть множество людей, которые живут здесь десятилетиями, так и не выучив язык.

Города, в которых люди не встречаются, совсем не обязательно какие-то проблемные, неблагополучные города. К примеру, тот же самый Торонто уже много лет входит в пятерку наиболее комфортных для жизни городов мира. Но в то же время там достаточно много людей

очень несчастливых, очень тревожных. Недавно институт Гэллага опубликовал большой отчет. Они измеряли эмоции, проводили опрос почти в 40 странах мира, как себя люди чувствуют и какие эмоции испытывают. И тревожность зашкаливает как раз в тех странах, которые мы считаем благополучными: Канада, Соединенные Штаты, Испания, Япония. А ведь страх – эмоция, разрушающая связи между людьми. Для того, чтобы случилась встреча людей, нужно доверять, а страх доверию противоположен.

Вопрос очень болезненный. Что мы можем сделать, в первую очередь для самих себя? Мы-то ведь тоже живем в этой среде. Иркутск находится в географическом центре Азии, от Иркутска до границ Азии во все стороны одинаковое расстояние. Но тем не менее это европейский город, западный. Соответственно, нас тоже эти тенденции накрывают несмотря на то, что в России уровень тревожности гораздо ниже, чем в Западной Европе и Северной Америке. Но выше, чем в Китае.

У нас в Иркутске люди тоже теряют навыки общения с другими людьми и навыки общения внутри себя – с самим собой. Я очень надеюсь услышать мнение образованных и профессиональных людей – вас: что можно сделать в этой ситуации. Ситуация жутковатая, но есть еще вторичное явление: как влияет тревожность и разобщенность на семейные отношения, и на воспроизводство следующего поколения, и на быт, и на работу – на все влияет.

Александр Гимельштейн Существует совершенно устоявшееся мнение, что современная система коммуникаций, интернет-мессенджеры и прочее разобщают людей.

У меня есть очень серьезное сомнение в правоте этого стереотипного тезиса: у молодежи высокий уровень коммуникабельности и контактности, хотя именно эти современные формы коммуникации занимают абсолютно доминирующее положение. И в нашем поколении уже очень значительное место занимают. Уровень деловой коммуникации в соцсетях, в мессенджерах огромен на данный момент. Есть ли от этого ощущение одиночества? Я бы сказал, что наоборот: есть ощущение постоянного коммуникационного нажима, и я понимаю, что и я такой же инструмент нажима в обратную сторону.

У нас чрезмерное количество контактов, которые резко облегчили общение; может, в депрессии нас вгоняют именно они, а не разобщенность. Виртуальные контакты можно заменить очным общением, но за счет эффективности. И если весь этот объем общения становится очным, коммуникации прямыми – эффективность потеряется, а коммуникационный нажим будет сохраняться.

КЛ Цифровое общение – это суррогатное общение, совершенно очевидно. Главное – имеет ли оно отношение к вопросу города? Или это другая реальность, она перпендикулярна к этой плоскости, в которой наши города располагаются? Какое отношения пространство города имеет к интернету? Они по-разному устроены, они по разным законам существуют, по-разному развиваются, и общение в интернете – это совсем другое общение. Встречи в интернете – совсем другие встречи, это даже не людей-встречи, это встречи аватарок, полувыведанных персонажей. Это интересная тема, важная, но это другая тема, отдельная.

АГ Но я в данном случае говорил не о мистических встречах, не о создании какой-то новой реальности, что многим людям психологически необходимо. Я говорю о коммуникациях с людьми из сферы нашего общения.

И в этом смысле мы не вне города, мы не находимся в какой-то отдельной виртуальной реальности. Это всего лишь технологическая форма наших коммуникаций внутри города, по городским проблемам.

КЛ Вы знаете, на детях особенно виден дефицит реального общения, несмотря на все эти гаджеты и интернет. Здесь, в Европе обычная практика – нанимать кратковременную няню, когда родители куда-то уезжают, а детей оставить негде. Дети чуть ли не с рождения в интернете, половина игрушек с выходом в виртуальные реальности, но все-таки присматривать надо. А в русскоязычной среде норовят нанять русскоязычного человека, потому что в семьях большинство людей говорят на русском. Ну и такая вот семья, довольно состоятельная, у них девочка 4-х лет. Дом завален игрушками, очень дорогими, высокотехнологичными. И в один гостевой визит мы ей принесли игрушку – собачку и показали девочке, как с этой собачкой можно играть. На следующий день нам звонит

фото
Евгения Сурикова
photo by
Evgeniya Surikova

мама девочки и говорит: что вы сделали? Она с этой собачкой спит, ест, в туалет ходит; она теперь эту собачку не выпускает. Ребенку впервые в жизни показали, как играть с обычной плюшевой собачкой. Получается, родители покупают игрушки, и на этом общение заканчивается. Насколько же должно отсутствовать общение между родителями и детьми, чтобы ребенка некому было научить играть с игрушкой?

Сергей Маяренков Я бы не игнорировал влияние виртуального пространства на эти процессы. В истории человечества не было современных средств, не было интернета никогда. И вот появляются все эти транзакции в сфере коммуникаций, которые заменили в каком-то смысле потребность живого общения. И многие вещи стали доступнее, чем были в очном формате, особенно когда мы говорим о быстром общении, в более короткий промежуток времени. Я бы ввел сюда индикатор времени, который влияет, когда люди пытаются упростить процедуру встречи, куда-то не ездить, ускорить процессы, меньше говорить. Это век делового человека, который все время хочет в определенный промежуток времени сделать гораздо больше. Есть какое-то влияние времени и желания человека не тратить время на поездку физического тела, на долгий глубокий разговор.

Вот у меня отец всегда звонил и говорил: «Сережа, приезжай ко мне, надо поговорить». Ты собираешься, едешь. Вопрос такой, что можно было за минуту созвониться и решить. Но нет – надо приехать, поговорить, порешать. И я все время удивлялся: зачем это? Раньше не понимал его, теперь все больше понимаю. Интернет позволяет людям очень быстро решать гораздо большее количество вопросов технических, я бы так сказал. Но потерялась способность чувствовать другого человека. Люди, которые испытывали это в своей жизни, конечно, это чувство высоко ценят. И здесь возникает большая разница – люди, которые испытали живое общение, жили в нем, а уже потом попали в виртуальное пространство. Они могут владеть и тем, и тем: и живым общением, и виртуальным. А люди, которые родились в двухтысячных годах – это, правда, уже совсем другие люди. Здесь уже начинается дефицит того, что мы имели в нашем детстве без интернета. Возникает интересный сюжет о разнице воспитания у разных поколений.

Сейчас идешь по улице, а три четверти встречающих пешеходов идет либо с наушниками в ушах, либо они переписываются на ходу, либо разговаривают. То есть налицо уже единство виртуального мира и мира городского, поэтому все-таки речь о городе. Современный горожанин удовлетворяется дешевым дофамином: в рекламе, в сериалах, в игровых форматах. Мне кажется, что на этом стыке тоже большая проблема: общение и с игрушками другое, и с детьми все иначе, и с новым поколением. Я бы, наверное, в эту сторону данного суждения пошел, не игнорировал бы влияние виртуального пространства на эти процессы.

АГ У поколения Z нет проблем с коммуникацией. Напомню, что весь функционал виртуальных каналов создали мы, а не они. Наши дети/внуки получили его от нас, пользуются и развивают. Это практически полностью закрывает и функциональные проблемы «взрослых», а привычку встречаться очно в большей степени теряем мы, а не наши дети. Мы теперь не встречаемся, условно говоря, для игры в карты, лото и бильярд, и даже не часто встречаемся, чтобы выпить и просто посидеть, поговорить. Нам нужен повод, нам нужна география, энергетика. А у молодежи есть спрос на пространства, которые сейчас есть в городе: «отдыхательные», «игральные», развлекательные; и они, а не мы и не 12-тилетние туда ходят. 16–22-летние, условно говоря. Они начинают с того, что в сети знакомятся. И после этого все-таки,

несмотря на то, что потом всю ночь переписывались в мессенджере, они пойдут как раз куда-нибудь гулять, «живьем». А нашему поколению вроде бы и незачем: мы были уже везде в городе. Кстати, не помню вообще, чтобы я в юности играл в настольные игры. А сейчас огромное количество настольных игр. Это пришло из американского времяпрепровождения, и огромное количество 18–20-летних людей встречаются для того, чтобы играть в настольные игры.

Миф о том, что вся молодежь уселась в телефоны, уже неактуален: они продолжают гулять, жить и любить в городе. И далее вопрос: насколько хорошо город обеспечивает их необходимыми условиями? Сам бизнес на потребности среагировал – создал эти пространства. Но что происходит в городе? Кто знает, какой сейчас фестиваль есть в Иркутске? Книжный. Каждый столб должен об этом кричать. Но не кричит. Если мы сейчас сядем в машину или пешком пройдем до центра города, мы увидим, что ничего не происходит. Хотя должно. В Иркутске нет движения.

ЕГ По поводу событий, которые не происходят, а должны были бы. Год с небольшим остался до 200-летия восстания декабристов. Возможно, тут, в Иркутске, какие-то интересные вещи затеваются по этому поводу, но я почему-то о них не слышу. Готовятся ли город и места, куда они прибыли после каторги? Что планирует научное сообщество?

АГ Я думаю, будет проблема, но не в части активизации научной работы. Музей декабристов с этим достойно справится не с точки зрения Музея научности, а с общим отношением к декабристскому наследию в нашей стране в контексте оценки восстания как аристократического бунта, который нервирует очень сильно людей, определяющих современные дела.

Поэтому я с трудом представляю себе оргкомитеты на уровне губернаторов даже сибирских декабристских регионов. Думаю, будут точечные и локальные события.

ЕГ Мое отношение к декабризму сформировалось в советские времена, когда здесь издавались серии книг «Полярная звезда», работали Марк Сергеев и Евгений Ячменев, немного раньше – дядюшка Марка Мееровича

Марк Азадовский. Теперь некоторые высказывают кардинально иное мнение по поводу декабристов, называют их клятвопреступниками. А между тем я считаю, что сибирские города, такие как Иркутск и Чита, должны быть благодарны декабристам, людям, которые повлияли на культуру, образование, атмосферу города и общества, на ту самую столичность, о которой потом Чехов и некоторые другие говорили.

КЛ Коллеги, я хотел бы обратить ваше внимание, что мы плавно переходим ко второму вопросу.

Такая парадоксальная ситуация у нас образовалась: общество разделилось на группы, и внутри каждой группы своя правда. Есть группа людей, которые считают декабристов клятвопреступниками, а есть группа людей, которые считают, что это герои и локомотивы нашей провинциальной культуры. Возможно, обе группы по-своему правы, но главная проблема не в этом, а в том, что эти группы между собой не хотят даже разговаривать. Каждый со своей правдой живет, и наплевать ему на всех остальных. Но есть же темы гораздо более жесткие и острые, по которым общество расколото буквально на части. И эти части не хотят контактировать друг с другом. Можно договориться, можно поругаться, поспорить, подраться. Но если нет никакого диалога, то и шансов нет. Мы никогда не договоримся, если не будем разговаривать.

Анастасия Малько На мой взгляд, место встреч и общение в городе очень сильно зависят от страны. Я хотела бы поделиться небольшим анализом-наблюдением за городской средой, и как в ней живут люди. Мне довелось сначала прожить 6 лет в Германии, в городе Дрезден (средний по численности, недалеко от Берлина, 2 часа езды, сравним с Иркутском по своему масштабу). Потом 3 года в Париже (столичный крупный город), и потом почти 3 года – в маленьком городе, около 20 тысяч жителей, между Пизой и Флоренцией, Марина-де-Каррара, расположенном прямо на берегу моря в Италии. И каждый раз для меня по ощущениям происходила кардинальная революция именно в восприятии самого города, общении между людьми и общении внутри города. Когда вы рассказывали про Болгарию, мне пришла в голову мысль, что действительно в любом из названных

мною городов есть улочки, где люди концентрируются в зависимости от культуры. Но как люди общаются между собой, очень сильно зависит от страны.

Например, в Германии, по моим наблюдениям, чувствуется стремление на 100% создать так называемые мультипространства, комфортные, разноплановые, где всем хорошо. Несмотря на это, в зависимости от квартала в Дрездене можно наблюдать концентрацию субкультур и концентрацию людей классических, однако сами пространства всегда рассчитаны на разный возраст, разные интересы, разные потребности и содержат разные функции. Таким образом, чувствуется единая стратегия немцев на федеральном уровне: разработать механизм создания рецепта идеального пространства, который в свою очередь воспринимается горожанами по-своему, и проводится постоянный мониторинг – что изменить, что улучшить, что добавить в пространства. Уже разработано несколько руководств-рекомендаций по развитию общественных пространств в Дрездене.

Во Франции город Париж предполагает минимальные точки для туристов, где есть пространства «все для всех», но тем не менее именно французы постоянно борются с новыми технологиями и даже в новых условиях дигитализации, при постоянном наличии интернета они умеют замедлять время. Люди абстрагируются и досконально следят за наличием «моего собственного пространства и времени», они могут не отвечать на телефонные звонки, просто сидеть в парке, выйти во время рабочего дня, чтобы выпить чашечку кофе и просто поговорить о своей жизни с барменом, который им совсем незнаком. Для французов культура приема пищи, культура того, что сейчас я в парке, я отдыхаю, я отключаюсь, намного больше, чем, скажем, у немцев. Французы жестко ограничивают себя от других и проводят свое время не в тех туристических точках, а в скрытых своих пространствах города.

Когда же мы переехали в Италию, в провинциальный маленький городок, я поняла, что, по сравнению с французами, они еще не настолько умеют замедлять время. У итальянцев именно общение является стилем жизни, все заключено в эти рамки, что нужно успеть быть в моменте: когда закат – нужно бросить все и идти смотреть закат на море, время апери-го – когда я ничего не делаю, сижу, пью свой кофе. И это отражается не только на коренных жителях, но и на всех остальных: если туристы приехали, но сейчас время сиесты – три часа абсолютного покоя, никто ее не отменял; с 12 до 15 все магазины закрыты. Таким образом, итальянцы свою консервативность, традиции, культуру и обычаи до сих пор распространяют на весь город и приезжих в него людей. Ощущение, что время в городе застыло, очень сильное: до сих пор старого типа вывески, сохранена аутентичность исторической среды в дорожках, заборах, палисадниках, домиках и покрытиях крыш. Такое ощущение, что как будто до Италии прогресс не дошел. Или они, может быть, умеют настолько его сохранять, что они сохраняют вот это историческое, но настоящее, живое пространство, пронизанной аутентичностью во всем городе.

В России я только год, и я пытаюсь понять, как пространство наших городов меняется. Мне кажется, если сравнивать, то мы близки к Германии, потому что попытка создания таких разных пространств, где удобство сервиса, различные варианты времяпрепровождения, где можно выполнить все задуманное на максимальной скорости, возможно. Именно в Москве это особенно чувствуется: выезжая в любую точку, люди пытаются решить не одну, а сразу несколько задач.

Мы как архитекторы должны думать именно об этом. Наша задача как специалистов понять, как мы, создавая эти пространства в городе, вновь научим людей общаться. И мне кажется, здесь хорошо посмотреть на примеры

той же Италии, потому что там люди общаются душевно, общаются очень много, они знают новости соседа и с теплотой встречают каждого прохожего. А когда наступает летняя пауза, у них вообще все замедляется. И во Франции так же. У них, например, в августе все говорят: ничего не пишите, никакие бюрократические вопросы не нужно решать, все равно будет ответ в конце сентября. То есть люди выключаются из этой жизни и общаются.

АГ Южные страны – очень специфические страны.

Есть такой культ ничегонеделания и нахождения в кофейне с утра до вечера. Его исповедуют черногорские мужчины. Но вы сказали очень важную вещь о Германии. На самом деле всю жизнь это была нация скучных и не очень коммуникабельных людей. И вдруг именно эта страна с этими людьми создала абсолютный эталон европейского города в виде современного Берлина. Именно в части общения, движения, способности ощутить полноту жизни, причем не только 20-летние, но и 40-е, и 50-е, и даже старше. Не склонные к коммуникабельности люди сломали систему и создали такое пространство. Да здравствуют архитекторы и градостроители! Они дали толчок. И в этом смысле наше прекрасное народонаселение, как мы знаем, с большой духовной составляющей, способное припасть к глубинам русской культуры, но не любящее соседа – может измениться, если изменится среда.

КЛ Анастасия, вы в Западной Германии не пробовали побывать? Был период, когда я ездил очень часто, не жил постоянно, но ездил по несколько раз в год как раз в Швабию на границе со Швейцарией, юго-западная Германия. Там совершенно другое впечатление. Совершенно. Там люди абсолютно изолированы друг от друга, хотя обычная практика – когда несколько человек живут в одной квартире: так дешево. Пользуются в очередь стиральной машиной и даже автомобилем. Получается что-то вроде коммуналки, но общения между людьми нет. Люди могут жить годами под одной крышей и не знать, кто чем живет и какие у кого проблемы.

Я думаю, что здесь граница в отношении к общению не совпадает с границами государств. Австрийцы, например, гораздо более похожи на то, что вы описали. Это

люди, которые умеют жить, которые с огромным юмором относятся к жизни. Поэтому Вена – один из лучших для жизни городов, а Берлин до сих пор производит впечатление какого-то воспаленного города. Такое ощущение, что, знаете, как после неудачной трансплантации орган пришили, а он воспалился. Отторжение между людьми. У меня от Берлина осталось очень болезненное впечатление.

Екатерина Гладкова Помимо пространств, которые рассчитаны на разные целевые группы и очень хорошо организованы, очень большую роль там (в западных странах) имеет малый бизнес. Когда ты знаешь своего булочника, он знает тебя, тревожность в твоём квартале снимает как рукой.

И таких вот лавочек в той же Германии очень много. И когда ты там живешь, постепенно все люди в квартале чувствуют себя гораздо комфортнее, чем здесь, когда этот малый бизнес задавливается большими супермаркетами-монополистами. И, например, в Иркутске мне не достает мест, где я могу купить отдельно хлеб, сыр и другое в моем районе, и все меня знают, и я их знаю.

Мы как-то с Анастасией тоже начинали проводить исследования по малому бизнесу в Академгородках Иркутска и Новосибирска, там они и обустроивают вокруг себя благоустройство своими силами, и жителей дома всех знают.

ЕГ Возможно – это свойство наукоградов.

АГ А интересно, сколько в Иркутске осталось коммуналок?

Руслан Хотулев Я жил в коммуналке полтора года. Из моего опыта коммунальная квартира – это как раз понимание негласных правил: что можно, чего нельзя, уважение к личным границам соседей, человеческие взаимоотношения. Жил еще полтора месяца в Германии в коммуналке. И там тоже было все пронизано негласными договоренностями, но это не напрягало вообще.

Хорошо, это коммуналка. Но вот я переехал в маленький дом в центре города, где девять квартир на всю усадьбу. Мне сразу дали понять, где у меня во дворе мои два парковочных места. Не было скандалов каких-то. Я даже не понимаю, как это произошло. Если вы не хоти-

те «напрягать» соседей, с уважением к ним относиться, то вы здесь паркуетесь. В городе все пронизано такими договоренностями.

Меня, скорее, удивляет желание людей жить в коттеджных поселках. У тебя на участке за забором все «позолоченное», ты на шикарном автомобиле выезжаешь за пределы этого своего участка в грязь по колено, и тебе уже все равно, кто там и что там. Это просто скотопрогон, по которому ты проехал. Это ведь тоже история про возможности для договоренностей.

СМ Руслан поднял проблему, что люди живут вместе, договоренности соблюдаются, но они перестали вообще в социальном плане между собой взаимодействовать, изолировалась жизнь.

КЛ Для того, чтобы все было пропитано договоренностями, надо же договариваться, а чтобы договариваться – надо общаться; проблема в этом.

АГ А можно, я зацеплюсь за реплику про одиночество в коттеджном поселке? На улице Грязнова строится новый «клубный» дом. Огромные цены за квадратный метр. Но что там происходит? Улицы, по которой все время все ездят. В доме подземные парковки. Одиночество в толпе. Там действительно вокруг нет никакой среды для того, чтобы жить в дорогом доставшемся жилье. Я уж не говорю, что они живут на улице, названной в честь человека, по доносу которого был арестован будущий маршал, дважды Герой и один из главных творцов Победы Константин Рокоссовский.

Татьяна Титова А потому что это те люди, которые хотят получить все радости и комфорт от жизни в центре, но не хотят жить в старом ветхом доме, поэтому и готовы платить не совсем адекватные деньги за эти новые кварталы в сердце города.

АГ Сделаем допущение, что дом прекрасный (возможно), но среды-то нет. Ну, кроме того, что есть подземный гараж.

РХ Про позицию о том, что мы не понимаем этих людей. В том и дело, что в городе, в его центре, очень разные люди живут рядом. И есть возможность, хоть какая-то, может быть, эфемерная, что эти люди между собой как-то взаимодействуют. Передают друг другу какие-то знания, отношение к жизни и так далее. Город тем и отличается от того же коттеджного поселка или от деревни, что у тебя каждый день есть возможность, вероятность узнать кого-то еще. Кинорежиссер и сценарист Роман Либеров в одном из интервью рассказывал о том, что у него на каждый день есть план познакомиться с новым человеком.

ТТ Но в хорошем коттеджном поселке также есть свой парк, прогулочные зоны, есть свой ресторан, фитнес-клуб, магазины. Может даже и школа, и детский сад.

РХ Малая плотность не подразумевает возможности большого количества контактов. В городе каждый день есть возможность с новыми людьми познакомиться. Хотя не исключено, конечно, что ты ходишь в один и тот же спортклуб и там одних и тех же людей постоянно видишь. Один и тот же магазин, один и тот же пекарь.

ТТ И это, как правило, приятно, когда он один и тот же. Это какая-то стабильность, постоянство.

РХ Поэтому я готов понимать людей, которые делают выбор в пользу покупки дома в коттеджном поселке.

При этом очень надеюсь, что появится больше странных людей, которые захотят десятки миллионов вкладывать в исторические дома, понимая, что это усадьба в центре города, вместо вкладывания десятков, сотен миллионов в коттедж на Байкальском тракте на берегу водохранилища, которое они, наверное, видели один раз за десять лет, потому что приезжают поздно вечером,

на рассвете уезжают. Вместе с восстановлением ценной усадьбы ты еще получаешь и как бы весь центр за эти деньги.

И чем разнообразнее, чем больше странных людей вокруг, тем больше шансов, что город будет местом для встреч.

ТТ Чтобы город стал желанным местом встреч, нужно создавать условия для общения и комфортного пешеходного и велосипедного движения. Отличным примером создания таких условий может служить Копенгаген.

Городские власти решили проблему увеличивающихся пробок, стихийных парковок и непрерывно растущего числа автомобилей в центре города в пользу пешеходов и общественного транспорта. Они стали разрабатывать стратегии, при которых людям намного удобнее было передвигаться по городу пешком, на велосипедах и на общественном транспорте, а не на автомобилях.

В 1962 году они начали уникальный эксперимент по созданию полностью пешеходных пространств в городе. Знаменитую сейчас улицу Строгет закрыли для автомобилей, и сначала это было встречено довольно настороженно как владельцами магазинов, так и, естественно, владельцами автобусов, автомобилей. Около 3000 автомобилей просто исчезли из центра города.

Эксперимент был удачным: после закрытия Строгет для автомобилей через два года в 2 раза больше людей вышли на улицу. Удивительно, что если в 1962 году у них было около 16 тысяч кв. м пешеходных зон, то в 2005 году около 100 тысяч. А улица Строгет вообще переросла в сеть пешеходных улиц, ведущих к набережной. И это сейчас самый яркий и популярный туристический маршрут.

Подобное преобразование произошло с набережной Ньюхавн, которая сейчас является визитной карточкой Копенгагена по той же самой схеме. Убрали парковочные места, освободили проезд от машин, и люди начали общаться, гулять, танцевать и веселиться, появились столики кафе под зонтиками, играют музыканты, жизнь просто бьет ключом.

И это две радикально разные картинки: заполненная общающимися людьми набережная, вызывающая радость и воодушевление – и набережная, на которой припарковано 38 автомобилей и пара идущих по узкому тротуару одиноких пешеходов; эта картина навеивает тоску.

Сейчас тема автомобильной переполненности и некомфортной среды для пешеходов стоит остро как никогда. В Иркутске не предпринимаются даже попытки решить эту проблему.

Конечно, у нас нет таких потрясающих широких тротуаров и парков, как в Барселоне, нет такой привлекательной городской среды, как в Вене, да и климат этих городов разительно отличается от нашего.

Поэтому пример Копенгагена нашему городу ближе. Там в 1967 году впервые официально было открыто первое уличное кафе. И сам мэр, написав об его открытии, сомневался, что люди будут сидеть на улице без стеклянной защиты. Климат не самый дружелюбный, и все же даже в холодную погоду люди сидят под обогревателями, в пледах, общаются, знакомятся, пьют горячие напитки и наблюдают. Многие кафе не убирают уличную мебель всю зиму.

На самом деле люди очень хотят общаться. Надо просто предоставить им такую возможность, как это сделали городские власти Копенгагена.

СМ Предлагаю вернуться к нашей проблематике. Тот ребенок, который не играет в игрушки, или то пространство, которое создает одиночество – это новые явления. С одной стороны, все позитивно, город общается, все у нас прекрасно, но большие города действительно создают одиночество, количество суицидов увеличивается,

и тренд-то негативный. Если про ребенка разговаривать, здесь непонятно: возможно, это отмирают ненужные современному человеку функции, потому что мы же тоже не играли в такие игрушки, в которые играли наши родители. Посмотреть на динамику и провести исследование – действительно ли надвигается социальная катастрофа или дети просто играют в совершенно другие игры? Другие дети, у них по-другому вырабатываются те навыки, которые у нас вырабатывались, когда мы играли в наши игрушки. Это любопытно. Если большой город делает тебя одиноким, то в малых городах ситуация немного лучше, там в подъезде и во дворе все знакомы. Сейчас появляются еще большего размера города, 10 миллионов – это уже средний город; появились численностью 100 миллионов жителей. Появился и новый формат удаленной дистанционной работы. То есть у вас на удаленке семья: мама, папа. Конечно, до офлайн-игр в таком пространстве и в такой организации далеко. Все это накладывает свой отпечаток: плотность появления виртуального мира, изменение человеческих потребностей и желаний, где развиваться и действовать.

АГ Известный анекдот. Пациент впервые приходит к врачу, жалуется на депрессию, говорит, жизнь груба и жестока, что он чувствует себя одиноким в угрожающем мире. Врач предлагает простой рецепт:

– Великий клоун Пальяччи сегодня в городе, сходите, это вас подбодрит.

Мужчина взрывается слезами:

– Но, доктор! – говорит он. – Я и есть Пальяччи...

КЛ В сегодняшней ситуации сошлись сразу несколько трендов нарастания одиночества.

В этом году Всемирный Банк отнес Россию к странам с высоким уровнем доходов. У нас был до сих пор средний. И мы теперь вошли в сообщество стран, где средний доход высокий. Есть люди, для которых 30 миллионов за квартиру заплатить это нормально. У меня есть знакомые, которые платят за квартиру, ну, на русские деньги, 150 тысяч в месяц. Снимают, не покупают. У этих людей уровень денежных потоков совсем другой. И, как ни странно, они как раз и есть самые одинокие люди. Они никому не доверяют, все время настороже и все время думают о своих деньгах. Они всю жизнь посвящают обслуживанию своих денег. И поэтому богатые люди очень одинокие. Я не знаю, почему так получается. Почему-то я не встречал серьезных исследований на эту тему, но это так, это я вижу своими глазами. И по мере того, как Россия становится богаче, в России появляется реальный осязаемый класс богатых людей; это люди самые одинокие.

У нас в центре города есть бабушка, которая часто сидит в подземном переходе ночью, постелила себе три слоя картона, укрылась старым пальто и читает Достоевского в подлиннике. А рядом постоянно какие-то ее приятели, студенты, другие бомжи, какой-то парень с гитарой... У нее больше шансов на полноценное общение, чем у товарища, который проживает сотни тысяч в месяц на текущие расходы? Мы становимся богаче – мы становимся более одинокими?

С другой стороны, мы все больше виртуализуемся, и мы становимся все более одинокими, потому что не общение то, что в интернете происходит. Это все равно суррогат. Это все равно, что питаться попкорном.

Мы становимся все более занятыми. Производительность труда растет, а работаем мы почему-то все больше. Вот что за парадокс такой? Свободного времени у людей все меньше и меньше, общаться и встречаться нет времени. Какого черта вообще, да? Роботизация есть, а жить некогда? И все сходится, как в фокусе, в нарастании одиночества.

АГ Я экстраполирую свою жизнь подростка начала 80-х годов – конца 70-х. Я не думаю, что это была ситуация чем-то уникальная. С раннего детства я все лето проводил на даче у родителей. Причем дача была коммуналкой: двоюродный брат отца, его семья и мы. А на одной из соседних дач был пацан, с которым я подружился с семи лет и до шестнадцати, каждое лето мы проводили вместе как близкие друзья.

В Иркутске я жил всю жизнь на левом берегу, он в центре города. Мы никогда не встречались и не создавались во время учебного года, а потом с огромным удовольствием с ним встречались в июне. Так что это не вызовы XXI века, а психология подростков, которые формируют особые коммуникации. Мы знаем много хулиганствующих, разгильдяйничающих людей в 18–19 лет, но много ли мы знаем таких же людей в 24-летнем возрасте? А это они же. Только уже взрослые, увы.

ТТ Я могу привести свой пример, показывающий, что и сегодня подростки общаются вживую и гуляют, играют, дружат. Мои старшие дети, двойняшки, мальчики, 17 лет, ходят в танцевальный ансамбль Узорочье – ансамбль народного танца. У них там друзья, человек шесть. И вот они с этими друзьями исследуют каналы, с удовольствием проваливаются под лед на Ушаковке и Ренатке, жгут костры, где-то гуляют, что-то ищут, исследуют. У них есть реальная живая жизнь.

КЛ У вас бюджет превышает двести тысяч в месяц на текущие расходы? Я говорил о людях, у которых денежные потоки большие. Это к вам относится?

ТТ Возможно, для людей со сверхдоходами состояние некоего отчуждения комфортно. Если бы им было некомфортно, то они, как люди деловые, подумали, почему испытывают дискомфорт, поняли и стали бы эту проблему конструктивно решать. Выходить на улицу, знакомиться принудительно, устраивать мероприятия публичные, создавать места для встреч, преобразовывать среду. Но их пока проблема общения в городе не беспокоит.

АГ В Иркутске нет ни одной школы, которую можно уверенно назвать «школой для богатых». Ни одной. А если бы она им была нужна, они бы ее создали.

КЛ Я как раз хотел сказать, что Иркутск, возможно, в этом смысле уникальный город, потому что в Иркутске, видимо, эти проблемы еще пока не такие свирепые. Может быть, имеет смысл сейчас оглянуться вокруг и понять: а что предохраняет Иркутск от впадения в эти нехорошие тенденции. Почему иркутяне не становятся такими болезненно одинокими людьми. Это очень важно, потому что, если это есть, тогда его надо сохранить.

РХ Богатство не предопределяет на самом деле одиночество. Потому что, например, премьер-министр европейской страны ездит на работу на велосипеде. Я не думаю, что он от бедности это делает.

Я как архитектор все время возвращаюсь к теме нашей встречи и думаю, каким надо сделать наш город. И опять мы возвращаемся к автомобилям. Как сделать так, чтобы человек, который может позволить себе автомобиль, в котором комфортно передвигаться по сравнению с автобусом, все-таки пересел на автобус. Два пути, одновременно проводимых действия. Первое – сделать невыносимым передвижение на автомобиле: платная парковка, выделенные полосы под автобус. Мы, с одной стороны, делаем так, чтобы на автомобиле было передвигаться дороже и проблематичнее, и тогда меньшее количество людей смогут на автомобиле в центр города проезжать. А второй момент – это сделать так, чтобы на автобусах было передвигаться комфортнее. Например, что в первую очередь меня останавливает в передвижении на автобусе – это грязь в салоне. Особенно эти ощущения были заметны во время пандемии. Ты заходишь в автобус

и понимаешь, что боишься за себя. Если сейчас начать задумываться, как сделать так, чтобы богатые, как вы говорите, начали передвигаться на автобусах, то тогда и бедным станет проще. Потому что богатые смогут платить за автобус больше и, соответственно, можно будет сделать за счет этого льготы бедным.

ЕГ Мне кажется, в Иркутске просто беспорядок.

Татьяна Анненкова Я вынуждена ездить на работу на своей машине только потому, что утром невозможно сесть в общественный транспорт: все маршрутки переполненные, порой даже не останавливаются. В Академгородке эту проблему усугубляют еще и жители микрорайона Березовый, которые доезжают до нас и пересаживаются на городской транспорт. А это не иркутяне, а жители Иркутского района, но они в часы пик существенно нагружают общественный транспорт.

АГ Я думаю, в счастливых снах мэрии города Иркутска есть вообще присоединение к городу всего этого пояса микрорайонов-районов. Но все-таки я согласен с Еленой Ивановой: главный вопрос – разумное управление. Не будет никаких частных грязных автобусов и маршруток, если будет нормальное количество муниципальных автобусов. Или даже пусть муниципальных вообще никаких не будет, но будет нормальный уровень конкуренции. Все само придет. Но поскольку на этом зарабатывают системные люди, ничего позитивного не произойдет, пока это все глубоко коррумпировано.

Есть еще один вопрос, связанный со средой общения. Я не люблю восславления советского образа жизни и нового культа советского, в основном возникшего у людей, которые по возрасту сами ничего прославляемого не застали. Но против одного факта не попрешь. Мы с шести-семи лет спокойно играли во дворах: на улицах было безопасно.

А своего 10-летнего младшего ребенка мы одного еще не отпускаем. Нет ощущения безопасности. У нас камеры только на дорогах, чтобы пополнять бюджет штрафами. И говоря об уровне проникновения контроля, в данном случае я за контроль. Если бы на всех наших улицах внутренних были камеры и была бы быстрая реакция передвижных полицейских постов. Это не сразу, но со временем создало бы безопасную среду.

ЕГ Мне показалось, что в Нерюнгри и Краснокаменске другая ситуация с безопасностью. В Краснокаменске точно дети гуляют во дворах.

СМ Это маленькие и компактные города, одновременно построенные в советское время. В центре такого города ты ощущаешь себя, как в центре большого.

РХ Я хотел бы возразить. Вопрос же не в объективном и абсолютном размере города. Москва. Огромный ли город? Или вот Шанхай – 25 млн. население. Я видел, как там взаимодействие происходит. Проектировать можно и в огромном городе так, чтобы создавать пространства, в которых возможно знакомство людей друг с другом, неважно, живешь ты в маленьком дворе, где виден весь двор, или в гигантском дворе с домами в 25 квартир на этаже. Создавать какие-то границы пространства, внутри которых люди между собой вынуждены просто познакомиться, для той же социальной безопасности.

ТА В советские времена в Академгородке все друг друга знали, родители работали в Академии наук, дети учились возле дома. Все магазины были в шаговой доступности, даже кинотеатр был. Поэтому там было уютно и безопасно.

АГ Это все в 90-х годах в Академе закончилось, на что есть объективные причины: во-первых, сокращение вообще научного персонала в 2–3 раза, во-вторых, люди уходили на пенсии, умирали, завещали, продавали...

ТА Сейчас ситуация немного изменилась, но все равно люди друг друга узнают и прекрасно общаются. А если население живет в одном конце города, а работает в другом, то как раз и не происходит никаких связей, каждый замыкается в своем пространстве, порой даже не знает своих соседей.

Виталий Барышников Мне кажется, что у нас много иллюзий по поводу Академгородка, который все знают. Я вспоминаю рассказ товарищей чуть постарше о том, как в 90-е годы после того, как люди ушли с улиц вообще (после всеобщих демонстраций советского периода истории) и скрылись за железными дверями с зарешеченными окнами, городские власти поставили задачу – попытаться вытащить людей на улицы. И на каком-то эта-

пе это удалось. Главным местом городских праздников была набережная бульвара Гагарина, а остров Юность в какой-то момент стал очень криминальным местом в городе.

На каком-то этапе управление культуры города вытасило людей в пространство города. Они их вытащили – получили кучу проблем. С одной стороны, вернулись на улицы, вернули общение, с другой стороны, это общение стало очень конфликтным, потому что тогда людям разрешали все, лишь бы они были, ну, типа вместе. Поэтому алкоголь лился рекой. Потом городские власти (я уже работал в управлении культуры в начале 2000-х) стали убирать тот самый «малый бизнес»: сосиски с пивом, пиво и сигареты из общественных пространств города, чтобы у людей было трезвое общение.

Сейчас государство не случайно поднимает темы комфортной городской среды. Национальный проект появился. Потому что те привычные нам места общего пользования, места встреч ужасно деградировали с советских времен, и требования к ним от пользователей-горожан изменились. Когда-то Капков (руководитель департамента культуры Москвы) рассказывал про парк Горького, как им незадолго удалось изменить контингент посетителей: они провели интернет, запустили Wi-Fi и убрала заросли в парке. Вместо алкоголиков и темных личностей туда пришли студенты и молодежь; это сразу изменило среду, сделало ее более безопасной. И эти вещи можно и нужно планировать не только управленчески, но и архитектурно-планировочно, этим тоже можно регулировать места встреч и общения. Появилась задача создать комфортные места и общегородские пространства не только в центре, но и в локальных микрорайонах. То, что их еще не хватает – однозначно.

Ощущение того самого комфорта – не факт, что безопасности, но комфорта – может ощущаться, если микрорайон снабдить теми пространствами, в которых ты, возможно, и не будешь всех знать по имени, но будешь видеть знакомые лица и здороваться. Появился вот тот самый главный бизнес. Он представлен овощными лавочками и т. д. – это люди из Средней Азии, которые стремятся укорениться без всякого криминала. Общаемся и понимаем, что какая-то иллюзия комфорта, устроенности в хорошем смысле есть.

У нас в районе построили спортивную площадку в довольно опасном месте, рядом с дорогой и, несмотря на сетку в 3–4 метра, мячи вылетают все равно. И теперь с шести утра и до часу ночи колотят мячом баскетболисты, так что их милиция после 23:00 разгоняет, рядом гимнастики тренируются на брусках и еще рядом сидят бабушки и общаются. Тот, кто научится соединять разновекторные интересы жителей одного подъезда и одного двора, тот будет лидером местного общего сообщества, местных властей – кого угодно. Потому что всем людям нужны разные вещи, и важно сложить этот пазл.

Город Иркутск как город исторический. С одной стороны, это его глубочайшее достоинство, но и его проклятие, потому что многие вещи очень сложно внедрить в историческую ткань. Малые города построены разумно, по некоему единому плану. На примере Томска: есть Томск исторический и есть Томск – «советский». Отодвинули старый город и рядом построили новый; не факт, что лучше, но разумнее и более планомерно.

Задача архитекторов смотреть и искать общие места, места встреч, а задача управленцев – фиксировать и давать эту возможность. Тогда не будет конфликта ни межнационального, ни религиозного.

Мы сейчас работаем с китайцами, они смотрят на Россию через образ Иркутска. Байкал – это для них ворота в Россию. Не факт, что это самые правильные ворота и самое правильное впечатление, но тем не менее. Но и для какой-то части наших сограждан встреча

с китайской цивилизацией начинается в Иркутске. Мы сейчас работаем с Сибэкспоцентром, который морально и физически устарел. Если сохранять его павильоны, то его надо приспособить подо что-то другое (павильоны под спорт или производство в другом месте).

А на месте Сибэкспоцентра нужно создать некое новое выставочное пространство, конгрессное, которое будет отвечать международным требованиям. И более того, я бы отдал строительство другому государству; проектировщики были бы наши, а строили бы, например, китайцы или югославы и т. д. Другая культура строительства. Это даст нам, в определенном смысле, какое-то преимущество. И с нашей точки зрения надо понять, как они мыслят, как они строят и как это работает, чтобы нам стать лучше.

Когда-то Денис Мацуев сказал очень точно: «Пока нет в городе концертного зала – город не виден на гастрольной карте планеты».

Возвращаясь к теме спортплощадки: в силу круглогодичной ее эксплуатации ее уже надо ремонтировать. Я попросил коллег, они мне посчитали, сколько стоит просто отремонтировать. Я вот сейчас с этим документом сижу и думаю: может, прийти не к властям, а все-таки прийти к людям, к соседям на эту площадку? Сказать: ребята, вы здесь живете, да? Давайте что-то вместе сделаем, чтобы принудить власти увидеть и отремонтировать.

У нас это общая проблема. То, что имеем – не храним, мы все время стремимся что-то новое строить, а просто поддерживать у нас не очень модно – это те же расходы, а пиара нет.

И у властей, и у бизнеса нет такой цели. Зачем ремонтировать то, что работает? Пусть оно работает, деньги приносит. А то, что оно ухудшается и завтра упадет... Вот когда упадет – тогда построят.

Но, с другой стороны, я же понимаю, что проще построить один стадион, даже экономически, чем содержать все 1500 площадок в городе.

АГ Мы же понимаем, что до Центрального стадиона не доедет Ново-Ленино, не доедет 2-й Иркутск. И это как раз единственно верное решение – поддерживать, обновлять и ремонтировать тысячи площадок.

ВВ Вопрос в том, что, если мы будем надеяться на власти, то это никогда не «взлетит».

АГ Чтобы надеяться, нужно формировать позицию, настаивать и заставлять. В этом суть избирательных процессов. К монарху можно только броситься в ноги с прошением, а они якобы служат народу, кроме того, мы налогоплательщики.

ЕГ Самые тревожащие нас стройки происходят от депутатов. Возле музея ВСОИРГО на углу Карла Маркса и набережной – гостиница шестизэтажная почти вплотную к памятнику федерального значения. В свое время в Солнечном засыпали часть залива возле канадской деревни, где ручей в него впадает – тоже застройщик депутат. Понимаете, о чем я говорю? Тренд налицо.

АГ Это называется политическая коррупция.

ЕГ По поводу стадионов общедоступных – актуальное. После того как в центре уничтожили почти все спортплощадки, которые мы много раз перечисляли, мне кажется, что самым нормальным жестом было бы под флагом здоровья нации, другими лозунгами, которые сейчас на государственной повестке стоят, сделать стадион «Труд» общедоступным для всех – для пенсионеров, для детей. Я видела такой первый раз в Байдаихэ в олимпийский 2008 год, перед пекинской олимпиадой. Мы там бесплатно играли в олимпийском парке в теннис, катались на роликах, а на великолепных дорожках с первоклассным покрытием бегали все, кто хотел, в том числе пожилые люди 75–80 лет.

В Ярославле (а мы попали туда в Пасху) набережная полна народу, и между ней и кафедральным собором – открытый стадион: незарешеченный, открытый для всех желающих. И там бегают по тартановым дорожкам и дети, и пенсионеры, что напомнило мне идеальную китайскую картинку. Вот оптимальное и справедливое будущее стадиона «Труд».

АГ Еще мы знаем и понимаем, что строительная отрасль как бизнес абсолютно коррумпирована, абсолютно аморальна, во всяком случае, в городе Иркутске. Потому что никаких позитивных коннотаций относительно иркутских строителей, на мой взгляд, у населения не осталось. В основном я о застройщиках, но различать уже трудно. Архитекторы все-таки люди высокой пробы и менее корыстных интересов. Но при этом уровень проявленности их общественной позиции мизерный.

Когда архитекторы начинают квалифицированно говорить, мы все начинаем слушать и уши оттопыривать, потому что вы компетентны, причем очень сильно компетентны. Компетентнее властей, компетентнее общественности и так далее.

И вы убедительны очень. Но только вот эту убедительность вы как-то очень щедро отдаете.

ЕГ Недорабатываем, согласна. Однако пытаемся и медленно, но движемся. Очередной эффект нашей работы по теме архитектуры Павлова. Сейчас приехали сюда из РАНХИГС бакалавры с сопровождающими лицами, а следом за ними и магистры. Те, кто выбрал тему павловской архитектуры темой диссертации. Вчера был круглый стол небезынтесный, эксперты реагировали на экскурсионные маршруты по архитектуре брутализма, предложенные студентами, и на способы приведения в порядок фасадов жилых зданий этого периода.

А сразу после этого разговора последовала встреча с экскурсоводами, жителями и архитекторами, давно завялшая со стороны экскурсоводов Иркутска, по 130-му кварталу. Мы рассказывали историю проектирования и реализации этого культового квартала. Договорились, что и дальше будем встречаться. Аудитория просит рассказать про период советского модернизма; условились на сентябрь.

ВБ А в деревне могла бы быть такая встреча? Это вопрос о нашей теме сегодня. Это же тоже встреча.

ЕГ Меня приглашают в разные города рассказывать на эти две темы (за последний год в Екатеринбург, Тюмень, Красноярск), но по-настоящему интересно про Павлова и про 130-й квартал рассказывать местным, иркутянам. Им заодно передаешь то, что не доделано, указываешь на то, что сделано не так, и они это воспринимают совсем иначе, потому что они все это видят каждый день. Меня приятно удивила недавняя встреча с блоггером Даниилом, наблюдающим за иркутянами в своих подкастах: на нашу встречу он принес книгу про Павлова – он ее распространяет здесь, в Иркутске, закупает в столицах. Он сказал, что эта книга перевернула его жизнь, его отношение к Иркутску. То есть на страницах ПБ мы не зря эти темы поднимаем. Такой вот реальный результат 20-летней работы «Проекта Байкал» и наших разговоров здесь за этим столом.

Анастасия Холявко Хотелось бы в заключение немного рассказать о замечательном кейсе под названием Черемхово. Мне посчастливилось поработать с этим городом и его командой и реализовать проект «Парк-театр» – благоустройство главного Парка в городе, единственного Парка аттракционов в нашей области. Эти эпитеты уже говорят о том, что пространство изначально было популярным и востребованным местом встречи для горожан. Посредством благоустройства мы реализовали тему театра через творчество Владимира

Гуркина, который тесно связан с Черемхово. Получилось сделать небольшой музейный павильон про творчество Владимира Павловича. Мы ожидали, что музей будет главным объектом в Парке, но не ожидали, что павильон станет новой точкой притяжения для всего города – как для жителей, так и для его гостей, некоторые из которых целенаправленно приезжают в Черемхово, чтобы посетить музей и Парк. Там так жизнь кипит! Проводят мастер-классы для детей разных возрастов, интерактивы для взрослых. Тематика меняется каждый месяц, регулярно проходит показ к/ф «Любовь и голуби», на который приходят целыми семьями – это ли не место встречи! Казалось бы, какой-то павильон, какой-то маленький музей с одним крохотным залом, а такой мощный социальный эффект. И это как раз то, ради чего стоит работать и продолжать творить. Потому что ты видишь, как меняется жизнь не только города, но и людей, даже какие-то их привычки. Вообще стоит отметить, что весь этот проект и его успешная реализация – заслуга в том числе команды администрации под руководством мэра города Вадима Александровича Семенова. Интересный также случай в Парке: мэр заложил, чтобы мы заложили беседки, хотя мне как главному архитектору проекта они казались избыточными. Но кто как не человек, болеющий за свой город и знающий его весь изнутри, понимает, что нужно жителям? По итогу эти беседки стали новым местом встречи для молодежи, которой всегда не хватает чего-то модного, немного уединенного и при этом находящегося в центре событий. Меня не перестает удивлять, что при абсолютно стандартном наборе элементов среды получается так менять пространства. Но опять же повторюсь, что успех напрямую зависит от того, как позиционирует себя основной заказчик на территорию в лице администрации.

ЕГ Черемхово, действительно, преобразился за последние годы, проявляется стиль, цвет. И отношение жителей к городу изменилось в лучшую сторону.

О роли личности. В этот раз ехала в Иркутск через 7 городов, и одним из них был город Енисейск – бывшая столица губернии. Потрясающий город и, что отличает его от других – он в порядке. Малый город, всего 18 тысяч жителей, памятники, монастыри, берег Енисея. Мэр – архитектор, который родился в этом городе, учился в Красноярске, потом вернулся в Енисейск, работал в отделе городской архитектуры, вырос до главного архитектора города и вот уже лет пять как мэр. Пользуется всеми программами, которые только есть: федеральными и региональными. Город методично и последовательно приводится в порядок, малый город с никаким бюджетом.

КЛ Прежде чем перебраться в Софию, мы несколько лет прожили в Варне. Там сложилась очень своеобразная ситуация: за шесть лет четырех мэров посадили. Каждый раз место исполняющего обязанности мэра занимал городской архитектор. Это все время был один и тот же человек. Совершенно замечательная многосерийная история. Так что, видимо, действительно, архитекторы имеют определенную перспективу в качестве градоначальников.

Я бы хотел напоследок на будущее поставить задачу. У меня осталось впечатление, что мы довольно успешно обсудили, как нам встречаться с единомышленниками. Но у нас абсолютно выпала тема, как нам встречаться с теми, кто думает иначе и живет другим образом жизни. Мы не любим богатых: богатые, если они хотят, чтобы мы с ними разговаривали, пусть откажутся от своего богатства. Чиновники – нет, мы с ними не будем разговаривать, они все коррумпированные, там безнадежно все. Строители просто сволочи, поэтому с ними разговаривать не о чем. Может быть, мы когда-нибудь вернемся к этой проблеме: как нам встречаться с людьми, которые думают и живут иначе, чем мы? А ведь придется...